

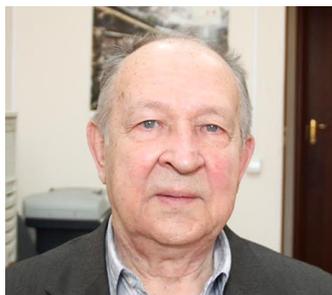
О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

Ростки будущего в дебатах прошлого

Ссылка для цитирования: Красин Ю. А. Ростки будущего в дебатах прошлого // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

For citation: Krasin Y. A. Seedlings of the Future in the debate of the Past. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

**Красин
Юрий Андреевич¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

krasinyua@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 250827

Автор подготовил к печати книгу – синопсис политологического симпозиума, действовавшего в поздний советский период под эгидой идеологических партийных учреждений АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС. Книга озаглавлена «Ростки из-под асфальта». В ней на основе конкретного обзора докладов и выступлений участников – видных советских учёных – показаны реальные проблемы, трудности и противоречия научно-теоретического осмысления революционного обновления действительности в условиях безраздельной монополии официальной идеологической догматики.

В порядке анонсирования этого труда, знакомящего с перипетиями идеологических дискуссий и противостояний того времени, Вестник Института социологии публикует Преамбулу к Синопсису. В ней повествуется о том, как на базе партийной образовательной системы возник постоянно действующий дискуссионный центр, какие цели он преследовал и как эволюционировал на протяжении 13 лет. Начало – январь 1977 («глухой застой» брежневского правления), окончание – декабрь 1989 (первые симптомы «обречённости» перестройки). В этом интервале – 16 симпозиумов, задокументированных в авторизованных выпусках трудов, изданных «для служебного пользования» (ДСП). В них прослеживается динамика развития дискуссии.

В горниле конфликтной практики смены исторических эпох изживший себя догматический марксизм парадоксально уживался с ростками «революции в сознании», разьедавшей фундамент «охранительной» мифологии. Как в капле отражается мир, так в работе

симпозиума высвечивались идеологические парадоксы «рубежной эпохи». Общественное сознание металось между прошлым и будущим. Верность «оптимистическим» мифам и гложущие муки сомнений, отвага поиска нового мышления и легковесные фантазии виртуальности – весь букет в одном флаконе.

В своём большинстве «симпозанты» были неординарными мыслителями, не похожими на карикатурных «совков», слепо следовавших официозным догмам. Но они не были и «провидцами», оставались людьми своего времени, отдавали дань мифологии и предрассудкам, цепко засевавшим в сознании вчерашнего дня; и вместе с тем, переступая через себя, отваживались заглядывать в день завтрашний. Ситуация «идеологического перепутья» наложила неизгладимую печать на труды симпозиума. Креативные искания авторов чередуются с тривиальными догматами, живые мысли индуктивной аналитики со схоластикой умозрительной дедукции, дискуссионные «воспарения» с бесплодным цитатничеством и описательностью.

Но через эту «антиномичную рефлекссию» пролегает «связь времен». Пройдут годы, сменяются поколения, и плоды политологического творчества «переломного прошлого» будут остро «востребованы». Возрастёт публичная значимость заключительной стадии советской эпохи. Исследователи захотят вникнуть в противоречивую логику поколения, стоявшего у истоков социальных перемен. Пригодится и синопсис данного симпозиума. Ведь при всех ограничениях и недостатках он внёс свою толику в осмысление эпохи больших перемен, пусть и скромную, но значимую в преддверии развертывающейся цивилизационной революции. Впрочем, читатели смогут судить об этом сами.

* * *

Разбирая как-то на досуге книжный шкаф, я натолкнулся в дальнем углу на полтора десятка сборников в сине-белых обложках под общей шапкой «Проблемы современного мирового революционного процесса».

- Ведь это же труды нашего симпозиума в Академии общественных наук, – молниеносно полыхнуло в сознании.

Пока пальцы перелистывали пожелтевшие от времени страницы, в памяти всплывали картины былого: жаркие споры, откровенные беседы в кулуарах, остроумные тосты на заключительных банкетах. И лица, живые лица «симпозантов» (так с лёгкой руки Михаила Басманова называли участников симпозиума) – друзей и сотрудников, единомышленников и оппонентов, маститых учёных и начинающих исследователей. Все они, независимо от возраста и темперамента, были одержимы общим стремлением постичь истину революционного обновления действительности.

Именно в АОН при ЦК КПСС – партийном учреждении, призванном выполнять охранительные идеологические функции, – в 1970–1980-х годах возник и активно действовал творческий

центр переосмысления революционных процессов в современном мире. Парадокс? Да, реальный парадокс жизни. Несмотря на партийно-идеологический характер Академии, её профессорско-преподавательский состав отличался высоким профессионализмом, отвечал объективным критериям исследователей гуманитарного профиля. Значительное число научных сотрудников Академии сознавало догматизм и ущербность официальной версии советского марксизма, её несоответствие новой нарождающейся реальности социума на рубеже XX–XXI веков.

Общественно-политическая обстановка в стране к этому времени, мягко говоря, не располагала к раскрытию потенциала ростков креативности в научной среде. После «оттепели» 1950-х и «шоковой терапии» XX съезда КПСС в отношении общественного сознания наступила «пасмурная осень» брежневского застоя. Бытует даже мнение, что «эпоха 1970-х годов была нами потеряна», эти годы будто бы «испарились – от них почти ничего не осталось»¹.

Атмосфера застоя и идеологического диктата, безусловно, подавляла творческие возможности общественного сознания. Но даже в самые тяжёлые времена сталинского деспотизма под удушающими пластами догматизма и схоластики теплилась животворная мысль, иницируемая тектоническими сдвигами российского и мирового социума в XX веке. И этот подспудный процесс подготовил возрождение творческих начал в советском общественном сознании.

Но «постсталинский ренессанс» общественного сознания натолкнулся на антиномичную природу советского общества, изначально заложенную в «роковом парадоксе» Русской революции: саморазрушающем симбиозе несовместимых начал – «низовой демократии Советов» и авторитарного руководства со стороны «сознательного меньшинства» (партии большевиков). В этом контексте «творческое отношение к теории», провозглашённое XX съездом КПСС, несло в себе также и черты стратегии превентивной защиты авторитаризма, и потому было внутренне противоречивым и непоследовательным. Тяжеловесный конструкт идеологической мифологии зашатался, но до полного его низвержения было очень далеко. Идеологическая догматика и авторитарный тренд политического развития общества оказались взаимосвязанными. Демократизация советской системы натолкнулась на плотные заслоны, в том числе «в мозгах» людей, включая и самих реформаторов.

Сегодня, спустя полвека, на собственном горьком опыте мы начинаем понимать, что становление в России современного общества, готового (идеологически, политически, социально и экономически) к вызовам постиндустриализма, – эпохальный исторический процесс, для которого потребуются гораздо больше времени, чем это представлялось реформаторам второй половины XX века. Слишком велика вязкая сила авторитарного наследия, которое глубоко коренится в культурных традициях, в образе жизни и способе мышления, в сознании и психологии людей. Поэтому реформация – это эпоха сопряжения и противоборства

¹ «О невыученных уроках 1970-х годов». Интервью «Ленте.ру» российского политолога Глеба Павловского, 19.03.2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/lenta.ru/kogda-prishel-gorbachev-bylo-uje-pozdno-5c90ee98e2784300b557c619>.

антиномичных трендов развития, крутых перемен, которые не могут осуществиться быстро и прямолинейно; эпоха, наполненная драматическими конфликтами, кипением страстей, поиском новых форм жизнедеятельности и управления, чередованием периодов «оттепели» и «заморозков», инновационных этапов с фазами застоя и «отката».

На фоне противоречивых трендов семидесятилетней истории пост-сталинских трансформаций отчётливо видно, что брежневский «застой» занимает своё место в логике исторических перемен в советском обществе. Разрыв с прошлым требовал «паузы» для «адаптации» ригидного авторитарного общества к болезненным для него, во многом хаотичным и непродуманным переменам. Большинство населения огромной страны должно было получить возможность для удовлетворения элементарных материальных и социальных потребностей. Нужно было время, чтобы общество на деле убедилось, что правящая элита, не освободившаяся от авторитарного прошлого, неспособна справиться и с новой повесткой дня. Общество на собственном опыте должно было прийти к выводу – «так жить нельзя». «Пауза», разумеется, вела к утрате темпа и некоторых возможностей развития. Но освободительный тренд, заданный «оттепелью» 1950-х годов, не исчез. Подспудно на всем протяжении 1970–1980-х «идейное брожение» в советском обществе продолжалось.

Происходило оно и в коллективе учёных Академии, особенно среди сотрудников кафедры международного коммунистического и рабочего движения, на которой мне посчастливилось в это время работать, и которую много лет возглавлял известный востоковед академик Е. А. Жуков. Преподаватели кафедры были квалифицированными международниками, свободно владели иностранными языками. Они прекрасно представляли себе зарубежную реальность, следили за научной литературой, хорошо отличали идеологические мифы о «загнивающем капитализме» от действительного положения дел в цитаделях индустриализма и в странах «третьего мира».

Коллектив кафедры жаждал «реального дела» в исследовании происходящих в мире крутых перемен. Почва для этого была подготовлена. Нужна была идея. Она тоже оказалась под рукой. В эти годы руководство КПСС в международном коммунистическом движении проводило идеологическую кампанию против «еврокоммунизма». Международный отдел ЦК КПСС, где я работал до перехода в Академию, находился на переднем крае идеологической полемики, стремясь придать ей конструктивный характер, не допустить перерастания в очередную «кампанию борьбы с ревизионизмом». Посоветовавшись с коллегами по отделу, я предложил коллективу кафедры подготовить для директивных органов научный доклад о феномене «еврокоммунизма». На протяжении двух лет кафедральный коллектив интенсивно работал над докладом, и после нескольких обсуждений и доработок его текст был опубликован под грифом ДСП (для служебного пользования)¹.

¹ Теоретические проблемы стратегии и тактики коммунистического движения в странах развитого капитализма. Под редакцией Ю. А. Красина. М.: АОН при ЦК КПСС. Кафедра международного коммунистического и рабочего движения, 1978.

За разногласиями с «еврокоммунистами», в конечном счёте, стояли глубокие сдвиги в развитии глобального социума, наметившиеся в последние десятилетия XX века и служившие показателем большого цивилизационного (социетального) перехода от индустриального общества к обществу постиндустриальному. По гамбургскому счёту, эти сдвиги требовали от марксистов основательного переосмысления представлений о капитализме и социализме, о смене общественных формаций и других основополагающих постулатов социальной доктрины. К сожалению, официальный марксизм, которого придерживались КПСС и большинство компартий, крепко увяз в трясине идеологического мифотворчества и не был готов к выполнению этой задачи. Постулаты теории воспринимались партийными идеологами не как слепки реальности, меняющиеся вместе с нею, а как «незыблемые святыни», не подлежащие какому-либо пересмотру. Тем самым теория отчуждалась от реальности новой, надвигавшейся эпохи, искусственно мифологизировалась как аналог раннего капитализма и первых «прорывных» способов его преодоления. «Еврокоммунизм» отвергался, потому что он смело «бросил перчатку» этому «марксизму уходящей, но не ушедшей эпохи», попытавшись понять реалии цивилизационного сдвига, расширяя мировоззренческую систему координат ценой отказа от, возможно, когда-то верных, но устаревших догм-постулатов.

Этот вызов не был безупречным: еврокоммунисты во многом сами оставались пленниками идеологических мифов (как коммунистических, так и антикоммунистических), нередко давали легковесные оценки новым феноменам, допускали серьёзные политические ошибки. Но дерзкий вызов мифотворчеству изнутри самого коммунистического движения вызывал у думающих учёных симпатию своим творческим настроем, подталкивавшим к выводу – надо всерьёз и фундаментально заняться теорией революционного обновления мира в новых условиях.

Подобных умонастроений, естественно, придерживался коллектив учёных Академии, занимавшийся анализом еврокоммунизма. В ходе рабочих встреч и совещаний мы раз за разом возвращались к вопросу о создании постоянно действующей научно-организационной структуры свободного обсуждения актуальных аспектов теории социальных трансформаций на основе современного опыта социальных движений и революций.

К обсуждению этого вопроса привлекалась группа учёных с периферии, специализировавшихся по этой тематике и стажировавшихся в Институте повышения квалификации при МГУ, где я читал спецкурсы по современным революционным движениям и трансформациям. Лишённые у себя дома не только творческой среды, но и необходимой для международных исследований информации они с энтузиазмом поддержали выдвинутое предложение. Так зародилась идея образования в Академии общественных наук дискуссионного теоретического центра по проблемам мирового революционного процесса, который объ-

единил бы стремившихся к творческому общению исследователей-профессионалов по международной тематике не только Москвы, но и других городов Советского Союза.

Академия располагала благоприятными условиями для деятельности подобного центра. Для этого были все возможности – кадровые, финансовые, информационные, издательские, контактные (как внутри страны, так и за рубежом). На кафедре МКРД сложился коллектив профессионалов, готовый взять на себя реализацию открывавшихся возможностей. Всё подводило к созданию на базе образовательной партийной системы площадки для научных дискуссий по востребованной временем тематике.

Руководство Академии было в курсе успешной работы кафедры МКРД над докладом о еврокоммунизме для ЦК КПСС. Это давало нам основание рассчитывать на его поддержку предлагаемых планов. И всё же на этот счёт нас одолевали некоторые опасения, связанные с тем, что репутация АОН при ЦК КПСС как партийного учреждения была овеяна ореолом «идеологического консерватизма». Вопреки опасениям тогдашний ректор Академии М. Т. Иовчук сразу высказался за создание вокруг кафедры МКРД научно-координационного центра по изучению проблем современного революционного движения.

- В партийном аппарате, – заметил он, – немало людей, которые рассматривают Академию как своего рода «идеологический топор» для вырубki ревизионистских сорняков; они не видят в ней научного учреждения, творчески развивающего марксистско-ленинскую теорию и только с этих позиций разоблачающего ревизионизм.

По-видимому, ректор рассчитывал, что образование дискуссионного научного центра в структуре Академии укрепит её авторитет и влияние как в системе республиканских и межрегиональных высших партийных школ, так и в среде советских учёных-международников, а это будет способствовать сбалансированию «охранительных» и творческих функций в её деятельности. Как бы там ни было, осенью 1976 года ректорат Академии дал согласие на создание межкафедрального Научного совета по проблемам современного мирового революционного процесса. Несколько позже, после масштабной реорганизации в 1978 году АОН при ЦК КПСС, это согласие было закреплено решением Учёного совета Академии.

Задача Научного совета, как она нам виделась, заключалась в создании постоянно действующего симпозиума учёных специалистов по актуальным вопросам теории революционных преобразований в изменяющемся мире. Однако в этих общих рамках организаторы с самого начала поставили перед собой сверхзадачу – создать «симпозиум нового типа». По содержанию это означало, что выступления участников не должны были ограничиваться простыми комментариями к известным положениям марксистско-ленинской теории революции, а обязательно «выходить на новизну», использовать результаты конкретного анализа изменяющихся реалий, дополняя дедуктивную логику общих теоретических умозаключений индуктивными суждениями, в которых сублимировался живой социальный опыт субъектов исторического действия.

Перенос центра тяжести с констатации и описания уже известных теоретических категорий на анализ и обобщение новой политической практики предполагал изменение манеры, стиля проведения симпозиума. Вместо утомительно длинных, заранее написанных докладов, оснащённых множеством цитат из классиков и партийных документов, нужны были краткие (10 минут), очищенные от банальностей, продуманные выступления, целенаправленно раскрывающие предмет обсуждения. На смену самодостаточным монологам должны были прийти обмен и «столкновение» мнений, дискуссионные «рефлексии».

Социальный каркас мировосприятия в официальном марксизме строился на общих постулатах, мифологизирующих хотя и значимые, но вырванные из быстро меняющегося контекста всемирной истории явления и процессы. Для теоретических построений на базе общих постулатов анализ и осмысление реалий развития не требовались; задача теории воспринималась как интерпретация фактов и событий в соответствии с постулатами классиков и их толкованиями в партийных документах. В теоретической работе доминировал дедуктивный метод; индукция подменялась описанием.

В деятельность «симпозиума нового типа» с самого начала закладывался принципиально иной подход: приоритет отдавался конкретному анализу новых явлений и процессов, не укладывавшихся в застывшие абстракции постулатов ортодоксии. На первый план теоретического мышления выходил индуктивный метод, призванный нарушить «безмятежный покой» мифологизированных постулатов, раскрыть их «земную природу» в динамике реальной истории.

Осуществление этого требования оказалось невероятно трудным. Инерция старых подходов исподволь довлела над ораторами. В выступлениях преобладали общетеоретические рассуждения в ущерб конкретному осмыслению современного опыта политической деятельности. Часто манера выступлений напоминала скорее лекцию, а не аналитическое движение мысли, раскрывавшее логику реального развития. Стремясь преодолеть этот налёт гелертерского педантизма, организаторы симпозиума выработали негласное требование к выступлению на симпозиуме – одна-две новые идеи, вызывающие на дискуссию. Это требование стало традицией в работе симпозиума. Но стремление к новизне само по себе не освобождало сознание от идеологической мифологии. «Новизна» нередко оборачивалась своего рода «творческим догматизмом» – апологетическими попытками «модернизировать» и таким образом спасти мифологические штампы. Примером такого рода «новых мифов во спасение» служила концепция «развитого социализма». Феномен «творческого догматизма» свидетельствовал о том, что общественное сознание было разорвано между прошлым и будущим. Реформаторская поросль пробивалась к жизни на той же самой социально-политической почве, которая питала мифологию консервативных, охранительных и реставраторских течений.

Президиум Научного совета сознавал, что высокие требования к «симпозиуму нового типа» в то время не могли быть реализованы сразу в полном объёме. Мы сами к этому не были готовы. Выдвигаемые требования выражали не столько готовность научных кадров Академии к творческим обсуждениям, сколько их горячее желание уйти от изжившей себя рутинной практики проведения публичных мероприятий в области гуманитарных наук. Жажда обновления отвечала духу времени. Наши тогдашние инициативы не были каким-то исключением; они шли в унисон с настроением и стремлениями других исследовательских коллективов международников в гуманитарных институтах Академии наук и вузах СССР, с активной целенаправленной деятельностью Советской ассоциации политической науки.

Первое заседание симпозиума состоялось в январе 1977 года. Приближался 60-летний юбилей Русской революции 1917 года, и было естественным заранее обсудить среди специалистов значимость этого события для современности. Сотрудники кафедры МКРД провели большую подготовительную работу. Научный совет несколько раз подробно обсудил тематику и сценарий симпозиума, приглашённым специалистам из других научных учреждений разослали письма, в которых разъяснялся замысел Научного совета о сути и требованиях предстоящего мероприятия. Со многими участниками проводились предварительные консультации о том, как сформулировать и «подать» темы выступлений, чтобы придать им дискуссионный характер. Тем не менее в первых выпусках трудов симпозиума современному читателю бросается в глаза печать времени – «брежневского застоя». Самостоятельные суждения авторов чередуются с тривиальными идеологическими догматами, живые мысли индуктивной аналитики со схоластикой чисто дедуктивных выводов, дискуссионные всплески с цитатничеством и описательностью.

По меркам сегодняшнего дня тексты первых выпусков трудов симпозиума отягощены скучной догматикой застойных лет, но для 1970-х годов они представлялись новаторским шагом на тернистом пути к возрождению творческого общественнознания. Это восприятие большинства участников хорошо передал ветеран кафедры профессор Б. М. Лейбзон. *«Наш теоретический симпозиум мне очень понравился. Это тот случай, когда не хотелось выходить из зала, а хотелось сидеть. Конечно, не всё стало ясным. Более того, в ряде случаев то, что раньше казалось само по себе разумным, теперь представляется тем, над чем нужно ещё много работать. Этот симпозиум заставляет думать, и в этом большое его достоинство»*¹.

Значимое для политической науки достижение симпозиума состояло в том, что его участники реально почувствовали вкус творческого осмысления нового социального опыта в публичном сопоставлении мнений специалистов-политологов. Этот «дух креативности» источал энергию для преодоления инерции застойного консерватизма, действительно опутывавшего наше сознание. В последовательной череде симпозиумов ясно просматривается нарастание творческого начала в выступлениях и дискуссиях участников исследовательского коллектива.

¹ Великий Октябрь и проблемы марксистско-ленинской теории социалистической революции. Труды научного симпозиума». Выпуск 1. М.: АОН при ЦК КПСС, 1977, с. 240.

Но даже в наиболее продвинутых дебатах второй половины 1980-х годов ощущается, что творческий подход к новой, «необычной» реальности лимитировался застойными «теньями» мифов, вроде бы отринутых разумом, но всё ещё гнездящихся в туманных глубинах сознания. Официальный марксизм агонизировал, но липкая паутина его догматов опутывала общественное сознание в СССР и международном коммунистическом движении (МКД). Это, можно сказать, основное противоречие идеологии того времени неизбежно порождало раздвоенность теоретического сознания. В деятельности симпозиума она проявлялась в разительном когнитивном диссонансе при обсуждении узловых проблем политического развития социума, входившего в полосу эпохальных перемен.

В трудах симпозиума в определённой степени отразилась противоречивость (скорее даже антиномичность) политического развития завершающего этапа истории советского общества. Этот опыт в той или иной степени стал достоянием думающих политологов, которые, как могли, рефлексировали вокруг коренных идеологических проблем переходной эпохи. Они делали это, оставаясь людьми своего времени, отдавая дань мифологии и предрассудкам, цепко засевшим в сознании вчерашнего дня. И вместе с тем, переступая через себя, отважно заглядывали (в меру собственного прозрения) в день завтрашний.

Всего за 12 лет состоялось 15 симпозиумов: большинство из них – в Москве на базе АОН при ЦК КПСС или ИОН при ЦК КПСС, три – в Киеве, два – в Ленинграде и по одному – в Минске, Новосибирске, Алма-Ате и Ташкенте на базе региональных и республиканских высших партийных школ. За это время в деятельности симпозиума и в позициях симпозантов произошли заметные изменения, которые стали следствием накопления коллективом участников опыта дискуссионных обсуждений и аналитических рефлексий вокруг реальных политических процессов, происходивших в мире. Основная линия идеологической эволюции содержания симпозиума – от «догматического консерватизма» официального марксизма, преобладающего в первых выпусках трудов, к непредвзятой, «демифологизированной» аналитике творческого марксизма.

Позитив этой эволюции в наибольшей мере виден в последних выпусках трудов симпозиума, относящихся ко времени советской перестройки. Но даже в них видна «противоречивая недоговоренность» концептуального мышления, «творческие порывы» которого сдерживались застойным грузом старых схем и подходов. В то же время просматривалось несоответствие многих теоретических новаций симпозантов масштабам и специфике проблем трансформирующегося советского общества, скороспелость и утопизм их суждений об этих проблемах. Дело в том, что реформаторам-шестидесятникам, задававшим тон переустройству общества, не хватало политического реализма в разработке и осуществлении курса демократической реформации социума, отягощённого вековыми авторитарными традициями. Захваченные завораживающей романтикой свободы, они часто оказывались в плену радужных иллюзий и несбыточных надежд на быструю победу демократии,

что губительно повлияло на судьбу перестройки. Радикализм «ломки» командно-административной системы управления лишил реформаторов властных рычагов социального контроля над процессами реформирования общества, открыл ворота захлестнувшей страну стихии «дикого капитализма».

Несколько слов о составе участников симпозиума. Цементирующим ядром коллектива симпозантов стали сотрудники АОН при ЦК КПСС. Среди них следует выделить Г. Г. Водолазова, Б. М. Лейбзона, М. И. Басманова. Именно они стояли у истоков идеи симпозиума нового типа, разрабатывали его концепцию, были активными организаторами и участниками творческих дискуссий; их с полным правом можно назвать основателями симпозиума. В актив симпозиума в разные годы входили сотрудники Академии – Ю. Н. Гаврилов, М. А. Селезнёв, М. Т. Мещеряков, Б. Г. Капустин, Н. В. Загладин, А. И. Волков, Н. В. Романовский, Ю. В. Соколов, А. Г. Сытин; преподаватели ИОН при ЦК КПСС С. И. Семёнов, Л. С. Гилилов, И. М. Кривогуз. В деятельности симпозиума активно участвовали учёные ряда местных ВПШ (*Киевской* – А. А. Валуйский, *Ленинградской* – Д. П. Прицкер, В. В. Чубинский, *Минской* – А. А. Челядинский, *Алма-Атинской* – Г. Б. Хан, Б. Б. Ирмуханов, *Ташкентской* – В. И. Гулин).

Однако симпозиум не замыкался на партийную систему; в обсуждениях вовлекались учёные академических институтов и вузов страны. Среди постоянных участников, внёсших весомый вклад в его творческую жизнедеятельность, можно назвать: Г. Г. Дилигенского (ИМРД АН СССР), В. Ф. Шелике (Киргизский университет), В. С. Рахманина (Воронежский университет), С. Э. Крапивенского (Волгоградский университет), Ю. В. Егорова (Ленинградский пединститут), И. М. Клямкина (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), И. К. Пантина (ИМРД АН СССР), Р. Н. Блюма (Тартуский университет), В. А. Кузина (Казанский химико-технологический институт), Я. С. Драбкина (Институт всеобщей истории АН СССР), В. Ф. Ли (Институт востоковедения АН СССР), И. А. Штеймана (Даугавпилский пединститут), К. М. Цаголова (Военная академия им. М. В. Фрунзе), Ю. М. Манина (Минский институт культуры), С. Л. Агаева (ИМРД АН СССР), В. В. Желтова (Кемеровский университет), Л. Г. Олеха (Новосибирский университет), Н. Н. Целищева (Уральский университет). В симпозиуме периодически участвовали многие видные учёные. Среди них – С. П. Перегудов, А. А. Галкин, А. П. Бутенко, Н. А. Симония, А. М. Ковалёв, В. Е. Чиркин, А. А. Искендеров, Е. А. Амбарцумов, В. Е. Гулиев, О. Р. Лацис, А. Н. Мельников, С. С. Салычев, Я. Б. Шмераль, А. Г. Латышев.

Вопрос о численном составе участников дискуссии на симпозиуме всегда представлял проблему для организаторов. Оптимальная численность дискуссионщиков, позволяющая обстоятельно и глубоко обсудить тему повестки дня, обычно составляет 25–30 специалистов. Превышение этой нормы создаёт дефицит времени и ограничивает свободу твор-

ческого диалога участников. Между тем число желающих участвовать в обсуждении у нас, как правило, не укладывалось в оптимальные нормативы. Частично проблема решалась за счёт деления участников на две категории. За дискуссионным столом располагались симпозанты, а вокруг в аудитории размещались слушатели, число которых достигало ста и более человек. В случае острой необходимости они могли выйти к микрофону, чтобы задать вопрос или выступить с короткой репликой.

На первых порах мы часто сталкивались с нарушениями регламента выступлений. Не всегда помогал и председательский колокольчик. Пришлось приобрести таймер, беспристрастно извещавший об окончании отведённого времени. Труднее было перейти от описательной манеры выступлений к проблемной, побуждающей к дискуссии и коллективной рефлексии. Прогресс достигался силой примера лучших ораторов АОН и институтов АН СССР. Свою роль сыграла и уже упомянутая магическая «формула успеха»: «хорошее выступление – это всего лишь одна-две свежие идеи».

Удалось добиться многого. Ни одно заседание не обходилось без споров. У симпозантов сложилась традиция: в дискуссиях неукоснительно соблюдалось правило двух «П» – «профессионализма» и «порядочности». Оно обеспечивало содержательность выступлений и в то же время обязывало уважительно относиться к оппоненту, каких бы взглядов он ни придерживался. Дискуссия обогащала участников содержательно, побуждала к раздумьям и одновременно вносила дух товарищества в коллектив симпозантов. Обмен мнениями продолжался и в кулуарах заседания, и на заключительном банкете. Участники с периферии признавались, что каждый симпозиум давал им долговременный творческий заряд для углублённых научных исследований у себя дома, помогал в педагогической работе со студентами и аспирантами.

Словом, на базе симпозиума сложился исследовательский коллектив, который настраивал участников на творческое осмысление не укладывавшегося в стандартные идеологические штампы социального опыта начинавшейся эпохи больших перемен. Фактически симпозиум был своеобразной научно-исследовательской лабораторией (одной из многих) нарождавшейся в СССР современной политической науки. Атмосфера креативности, контрастировавшая с опостылевшей рутинностью застоя, вызывала у симпозантов чувство удовлетворения, вдохновляла на новые смелые замыслы.

- Для нас участие в симпозиуме – большой праздник, – такими словами Э. С. Крапивенский, профессор Волгоградского университета, выразил мнение большинства симпозантов.

Каждый форум, где бы он ни происходил, воспринимался участниками не только как значимое научное событие, но и как долгожданная встреча старых друзей, с которыми тянет поделиться радостями и печалью, успехами и сомнениями, получить от них реакцию искреннего сопереживания. Неформальные отношения взаимной симпатии и товарищества скрепляли коллектив симпозантов не в меньшей степени, чем общность научных интересов и стремлений.

У симпозиума был свой «вечерний сеанс» – заключительный банкет, на котором ярко раскрывалась неформальная сторона его деятельности. Произносились проникновенные тосты, искрившиеся остроумием. По признанию самих участников, сочинение удачного банкетного спича требовало от них даже большего напряжения сил, чем подготовка основного выступления в научной дискуссии. Взрывами смеха до слёз сопровождалась юмористические пародии И. М. Клямкина на выступления именитых симпозантов. Всеобщий восторг присутствующих вызывала стихотворная дуэль наших поэтов – Г. Г. Водолазова и В. С. Рахманина, походя обменивавшихся блестящими эпиграммами. Задушевные песни и зажигательные танцы.

На Минской встрече 1983 года в зале заседаний оказался известный белорусский композитор, заслуженный деятель искусств БССР Сергей Альбертович Кортес. Его привел на симпозиум наш постоянный участник Юрий Матвеевич Манин, работавший в Минском Институте культуры. После заседания С. А. Кортес с восторгом говорил нам о профессионализме и страстности научных дебатов. Не меньшее впечатление произвёл на него и заключительный банкет, на который мы его пригласили. Наутро он разыскал меня в гостинице и подарил сочинённую за ночь партитуру «Гимна Союза искателей истины». Так у нас появился собственный Гимн.

Нас стремленье к истине создало.
Истина – оружие борца.
Было у симпозиума начало,
Но не будет у него конца.

Последние две строчки четверостишия следовали рефреном после каждого куплета этого Гимна и с тех пор часто повторялись симпозантами.

Показательно, что горячительные напитки не играли сколько-нибудь значительной роли в создании праздничной атмосферы на банкетных встречах. Ряд симпозиумов пришёлся на время антиалкогольной кампании, и это не сказалось на тонусе банкетов, в которых в свободном от формальностей дружеском общении находили выражения те же стремления, что и на самом симпозиуме. Жаль, что тогда организаторы не нашли способа сохранить плоды этой формы общения так, как они сделали это по отношению к результатам самого симпозиума, издав 15 выпусков его трудов.

* * *

Вернёмся, однако, к моменту моей вторичной встречи с трудами симпозиума Академии, обнаруженными на дальней полке книжного шкафа. Перебирая тогда потрёпанные экземпляры сборников, я мысленно взвешивал их содержательную ценность. В них опубликованы

авторизованные выступления участников обсуждений актуальных вопросов политической теории на завершающем, можно сказать, переломном (бифуркационном) этапе советской истории. В горниле конфликтной практики смены исторических эпох изживший себя догматический марксизм парадоксально уживался с ростками «революции в сознании», разьедавшей фундамент «охранительной» мифологии. Как в капле отражается мир, так в наших выступлениях высвечивался идеологический парадокс «рубежной эпохи». Верность «жизнеутверждающим мифам», муки сомнений, отвага нового видения, фантазии виртуальности – весь букет в одном флаконе.

Издать труды симпозиума в таком первоизданном виде в то время было невозможно. С трудом удалось добиться их «полулегальной» публикации в печатно-множительном бюро Академии под грифом ДСП, тиражом в 150–200 экземпляров. Не исключено, что эти сохранившиеся у меня сборники – единственный полный комплект трудов симпозиума.

Может быть, их оцифровать? Но кто сегодня осилит несколько тысяч страниц политологического текста, написанного в стиле и языком марксизма советских времён? И будут они мёртвым грузом покоиться «в облаках» интернета! Нет, надо провести большую предварительную работу, чтобы должным образом представить труды симпозиума. Надо воспроизвести не только букву, но и дух симпозиума, стремление его участников освободиться от догматов вчерашнего дня и философски осмыслить крутые социально-политические сдвиги конца XX столетия.

Застоявшиеся сборники перекочевали на рабочую полку, и я принялся перечитывать их с карандашом в руках. Работа оказалась трудоёмкой и заняла больше года. Пришлось систематизировать выступления, выявляя основные линии и узлы полемики, анализируя развитие высказанных идей в разных сборниках, а главное – сопоставлять сказанное тогда с последующим ходом российской реформации и нынешними тенденциями политического развития глобального социума.

Поначалу я собирался написать обстоятельную статью о симпозиуме. Даже предварительно договорился с редакцией журнала «Полис» о представлении через два-три месяца на их рассмотрение соответствующего материала. Но потом возникли трудности. Дискуссии на симпозиуме ввиду их многоплановости либо не укладывались в объём журнальной статьи, либо превращались в лишённый интриги нудный перечень обсуждаемых сюжетов. Тогда-то и родилась идея синопсиса. Первоначально был просто «черновой обзор» текстов выступлений в качестве подсобного материала для статьи. Потом возникла мысль оснастить обзор прямыми выдержками из выступлений, сопроводив их необходимыми пояснениями и содержательными комментариями, увязывающими предмет дискуссии с его последующим развитием и современным толкованием в политической науке. Так появился вполне самостоятельный жанр: синопсис-обозрение трудов симпозиума Научного совета АОН и ИОН по проблемам мирового революционного процесса.

Оправдан ли проделанный труд? Обзор мнений – преимущественно с марксистских позиций – по концептуальному видению завершающих конвульсий уходящей эпохи. Востребован ли он на фоне нынешнего глубинного реформирования социума перед вызовами рождающегося будущего, ставящего под сомнение и сам предмет обсуждения (мировой революционный процесс), и даже познавательную ценность марксистской методологии? В обстановке «эпохальной неопределённости», которая характеризуется обширным идеологическим кризисом (его не избежала ни одна мировоззренческая система) и доминированием рассудочного прагматизма? На этот вопрос высока вероятность отрицательного ответа. Мой ответ положительный.

Прежде всего, публикация синопсиса – своего рода моральный долг перед участниками симпозиума, совсем не похожими на карикатурных «совков», слепо следовавших догмам советского марксизма. Отдавая дань идеологической ограниченности своего времени, они «умом и сердцем улавливали» симптомы зарождения больших перемен и, как могли, выражали это в своих выступлениях.

Один из моих друзей назвал замысел синопсиса «ностальгической задумкой». Что ж, в этом есть доля истины. Но главное, хотелось бы разобраться и понять, где истоки, казалось бы, очевидных заблуждений незаурядного поколения идеалистов-шестидесятников. И при этом в потоке идеологического мифотворчества не погасить «искорки» прозрений, которые высвечивали (не «картину» и даже не «контуры», что выглядело бы претенциозно) штрихи антиномичного будущего.

Заново переживая эпизоды наших дискуссий, канувших в Лету истории, я, естественно, воспринимал их сквозь призму нынешнего опыта, испытывал при этом неизъяснимое чувство удовлетворения от соприкосновения с великой тайной «связи времен». Но ведь и сегодня, сталкиваясь с неожиданными парадоксами информационной эпохи, мы сознаём, что находимся всего лишь в её начальной фазе. Впереди нас ждут удивительные сюрпризы «невозможных» «интегрально-антиномичных систем» общественного устройства и политического мышления. Так что до окончательных оценок – ...ой – как далеко!

Обзоры и синопсисы оригинальных выступлений и дискуссий, проходивших на закате советской эпохи, вероятно, через три-четыре поколения будут «востребованы» тогдашними исследователями. Они обязательно захотят вникнуть в «странную» логику поколения шестидесятников, пытавшихся «пробиться к демократии», оставаясь «рабами своего времени». В будущем, несомненно, возрастет публичная значимость заключительной стадии советской эпохи. Возникнет стремление подробнее узнать, что стояло у истоков «большого перелома» на рубеже двух эпох. Чтобы понять пружины и механизмы возникновения российской реформации, будущий учёный должен будет перелопатить большие объёмы конкретной деятельности гуманитарных институтов, центров, постоянно действующих симпозиумов, семинаров, творческих дискуссий. Цель настоящего синопсиса – дать исходный материал, характеризую-

щей работу одной из таких ячеек, деятельность которой началась в годы брежневского застоя и продолжалась до 1989 года, когда советская перестройка достигла пика и обнаружили явные признаки её упадка.

На протяжении 13 драматических лет в тесном общении с единомышленниками и оппонентами участники симпозиума прошли своеобразную «школу» методологического «переобучения». В ней переплетались эманации как постыдного застоя брежневского режима, так и романтического порыва советской перестройки, симптомов её падения, а также признаков надвигавшегося реванша авторитарной реакции «дикого» российского капитализма. Перечитывая труды симпозиума, испытываешь и неловкость за проявления приверженности как догмам идеологической мифологии, так и наивным иллюзиям скороспелого реформаторства, и чувство удовлетворения от выстраданных сомнений и мимолётных искр творческого мышления. В этих трудах пытливый исследователь найдёт материал для того, чтобы глубже постичь тревоги и надежды того легендарного времени, когда в общественно-политической науке росло понимание необходимости глубокого переворота в общественном сознании, адекватного реалиям конца XX столетия. Глобализация мира, бурное развитие средств и плотности коммуникаций, технологические «прорывы» и, как следствие, вызванные всем этим сдвиги в социальных структурах социума создавали императивную потребность в кардинальном обновлении марксистской идеологии.

Пусть этого не произошло (а может быть, и не могло произойти) в то время. Но такая тенденция была, и она проявилась на симпозиуме. Сначала робко, как сказано выше, в признании принципиальной важности налаживания диалога с инакомыслящими партиями и политическими течениями. Ведь для партийной бюрократии, олицетворявшей «чистоту марксистско-ленинской идеологии», это было святотатством, означало посягательство на «символ веры» партии. Да и сознание участников симпозиума, как и всех советских учёных, было в той или иной мере опутано нитями официального мифотворчества, от которого нельзя было освободиться в одночасье. Но коридор возможностей выхода из застойного догматизма расширялся. На трёх последних симпозиумах в дебатах о соотношении общечеловеческих и классовых интересов уже пунктирно просматривается современная постановка вопроса о созревании предпосылок общечеловеческой метаидеологии, способной скрепить «мир миров» по принципу «единства в многообразии».

Так намечались прорывы к новому видению современного состояния и развития глобального социума. Расчищались подходы к переосмыслению основных парадигм обществознания в свете глобальных трансформаций и наметившейся российской реформации со всеми её противоречиями и бифуркациями. Ситуация «идеологического перепутья» отразилась в деятельности нашего политологического симпозиума. В целом он внёс свою толику в осмысление нашей эпохи больших перемен, пусть и скромную, но значимую в преддверии назревающей цивилизационной революции в сознании глобального социума, которая, конечно, не минует трансформирующуюся Россию.

А чисто по-человечески: симпозиум – я надеюсь – оставил заметный след не только в памяти участников, но также в их сердцах.

* * *

Синописис симпозиума состоит из четырёх разделов. Они охватывают главные узлы дебатов по проблемам марксистской теории социальной революции в исследовании и объяснении реальной практики мирового революционного процесса во второй половине XX века.

Раздел 1. «Рабочий класс как субъект истории». В нём изложены выступления, в которых защита стержневого постулата марксистской теории о всемирно-исторической миссии пролетариата как освободителя человечества от эксплуатации парадоксально сочеталась с анализом сдвигов в социальной структуре социума, опровергающих этот постулат. Выход из «когнитивного диссонанса» требовал от политической теории смены парадигмы в понимании субъекта революционного обновления мира. К этому выводу подводили и результаты дискуссий на самом симпозиуме. В контексте основной темы в разделе анализируется обсуждение смежных вопросов – о социальной базе революционных партий, об их «обновлении» и стратегической переориентации, о новых социальных движениях, о роли реального социализма, об отношении к «еврокоммунизму» (обновленческое течение или ревизионизм?).

Раздел 2. «Власть, общество, государство». В разделе прослеживается эволюция взглядов дискутантов по проблемам власти в революционном процессе. Участники симпозиума понимали, что постановка и решение этих вопросов зависели от конкретно-исторических условий и в нынешней обстановке не укладывались в теоретические схемы прошлого. Но если на первых симпозиумах говорилось о специфике проявления общих закономерностей в разных условиях (диктатура пролетариата, «слом» буржуазного государства), то во второй половине 1980-х в ряде выступлений уже обосновывалась необходимость отказа от устаревших догм и постулатов теории революции. В трактовке этих проблем наметился переход от линейной логики насильственной революции к многомерной логике эволюционной трансформации общества.

Раздел 3. «Современная эпоха». Раздел посвящён обсуждению проблем содержания нынешней эпохи в контексте процессов глобализации, революционных прорывов в технологиях, социальных сдвигов на исходе XX столетия. Симптомы больших перемен волновали умы обществоведов, пытливая мысль которых стремилась раздвинуть узкие рамки линейной схемы современности как эпохи формационного перехода от капитализма к социализму. Они пытались сблизить официальную доктрину с реальностью начинавшегося социетального переворота, побуждавшего к многомерному видению будущего человечества. В этом направлении и разворачивалась дискуссия на симпозиуме. Порой эти усилия затухали в нагромождениях банальных формул, но временами приводили к далеко идущим новациям и прозрениям в разработке концепции интегрального развития глобального «мира миров».

Раздел 4. «Раздумья о социализме». В марксистской теории социалистическая идея выполняет ключевую функцию в целеполагании революционного процесса. Поэтому дискуссия о *социализме* возникла при обсуждении всех узловых проблем. В качестве доминирующей темы выделялась тема *историзма* в подходе к этому феномену. Марксистские представления о социализме эпохи раннего капитализма и «первого прорыва» Русской революции 1917 года нуждались в глубоком переосмыслении на базе условий и опыта новой эпохи, в очищении от упрощений и деформаций сталинизма. Предполагалось, что намечавшийся 16-й симпозиум специально обсудит концептуальные проблемы современного социализма, включая вопрос о смене парадигмы социалистической теории. Обсуждение состоялось, но несколько в ином формате: на совместном симпозиуме Института общественных наук с Институтом глобальных исследований (декабрь 1989). Авторизованные тексты выступлений опубликованы в монографическом сборнике – **«Феномен социализма: сущность, закономерность, перспектива»**. М., ПМБ ИОН, 1990. Содержание сборника, как и ряда публикаций по социалистической тематике в **Лабораторных тетрадах ИОН** при ЦК КПСС, органически связано с проектом Научного совета по проблемам мирового революционного процесса. Поэтому они также послужили исходным материалом для Синописа наряду с выпусками трудов Симпозиума.

Вникая в содержание трудов политологов ушедшего века, как бы идешь по следам когда-то живых размышлений. Это помогает «вживую» ощутить историческую связь времен, нащупать как «разрывы», так и «креативные узлы» развития политического мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Красин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, Ассоциированный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Почётный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

Seedlings of the Future in the Debate of the Past

Yury A. Krasin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

For citation: Krasin Y. A. Seedlings of the Future in the debate of the Past. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury A. Krasin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Associate Fellow of the Center for Political Science and Political Sociology, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia